Из дневника (Иран, 1941-1942)

Франц Майер

SHOUT
SHARE
IT

- Майер Франц

Майер Франц
Из дневника (Иран, 1941-1942)

Майер Франц*

Из дневника. Иран, 1941-1942

* По-настоящему Рихард Август.

{1} Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

"Победит тот, кто будет владеть Востоком". Из дневника немецкого разведчика Ф.Майера. Иран. 1941-1942 гг. // "Отечественные архивы" № 3, 2003. (Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации А.Б. Оришева.)

Ноахег: Дневниковые записи германского разведчика, сотрудника СД, по некоторым данным - штурмбаннфюрера СС Франца Майера (он же Рихард Август). Записи охватывают период с 5 декабря 1941 г. по 9 октября 1942 г., т. е. время активной работы германской разведки по формированию мощного антисоюзнического фронта в Иране. Изучение источника позволяет ответить на вопрос, почему иранские националисты во имя восстановления могущества своей родины встали на путь сотрудничества с фашистской Германией. В документе нашел отражение механизм взаимодействия разведок стран "оси" в Иране. Документ публикуется в переводе, сделанном органами советской разведки в 1943 г., с некоторыми сокращениями. Практически перед вами записки "немецкого Штирлица" только карликового, по сравнению с нашим Максим Максимычем.

Предисловие

60 лет назад состоялась Тегеранская конференция - знаменательное событие, во многом определившее дальнейший ход Второй мировой войны и судьбы послевоенного мира. 28 ноября 1943 г. в иранской столице в целях координации военных операций союзников по антигитлеровской коалиции впервые встретились И.В. Сталин, Ф.-Д. Рузвельт, У.Черчилль. Однако глав государств "большой тройки" в Тегеране поджидала серьезная опасность. В Берлине было принято решение организовать покушение на участников конференции, осуществив операцию "Вайтшпрунг" ("Длинный прыжок"). Германские стратеги видели залог ее успеха в существовавшей в Иране на протяжении 1930-х годов разветвленной сети немецкой агентуры. В Исфахане был создан центр, объединявший работу на юге страны. Возглавлял его Шюнеман, развивший энергичную деятельность по привлечению на сторону третьего рейха вождей иранских кочевых

племен. На севере руководил разведывательной деятельностью Вольф - "представитель" транспортной конторы "Иран-Экспресс" в Энзели. Он прекрасно владел русским и персидским языками, много лет прожил в Иране и создал на побережье Каспийского моря хорошо поставленную шпионскую сеть{1}. В марте 1940 г. в Тебриз на должность консула был назначен сотрудник абвера, опытнейший немецкий разведчик Пауль Леверкюн. В его основную задачу входило выявление удобных мест для развертывания германских экспедиционных войск и исследование с этой целью района Кара-Даг{2}. В сентябре 1940 г. к активной работе в Иране подключился агент военной разведки Губерт фон Раданович-Гартман. В течение нескольких месяцев им было изготовлено около 20 топографических карт областей Ирана, граничивших с Советским Союзом, с указанием военных укреплений и важнейших коммуникаций{3}.

Деятельность германской агентуры в Иране активизировалась осенью 1940 г. в связи с решением Гитлера начать войну против Советского Союза. Немецкие разведчики для прикрытия использовали легальные учреждения, в основном торговые и промышленные представительства. Наибольшей предприимчивостью отличились немецкие фирмы АЕГ, "Вебер Бауэр", "Сименс", "Крупп", "Феррошталь", "Атлас", "Вилли Шнель", "Ауто Унион", "Мерседес Бенц". Представителями фирм, как правило, назначались старшие офицеры вермахта. Так, фирма "Вебер Бауэр" стремилась поставить под свой контроль строившуюся дорогу Тегеран - Тебриз и дорогу Тебриз - Джульфа, выходившую к границе СССР. В Тегеране и Тебризе под видом транспортно-экспедиторских контор создавались шпионские центры. Аналогичные конторы были открыты в Бабольсере, Бендер-Шахпуре и Баджигиране{4}. На военных предприятиях Ирана трудилось 56 германских специалистов, в иранской жандармерии и полиции работали десятки немецких советников и инструкторов. Накануне Второй мировой войны в Иран въехало более 6500 немецких граждан. Руководящие посты в 50 государственных учреждениях Ирана занимали профашистские элементы и агентура гитлеровских спецслужб{5}. Следует отметить, что наибольшей плотности шпионская сеть достигала в районах, пограничных с Советским Союзом, прилегавших к Персидскому заливу, и особенно к Индии. С помощью фирм нацисты доставляли в Иран военные материалы и амуницию, необходимые для оснащения расположенных в Тебризе, Реште, Казвине и других иранских городах военизированных групп, насчитывавших 10-12 прислужников третьего рейха. Будущие диверсанты обучались методам и тактике диверсионно-

разведывательных действий, в том числе умению самостоятельно изготовлять взрывчатку из подручного материала, определять наименее защищенные места в обороне стратегических объектов, рассчитывать оптимальный вес взрывного устройства, маскировать места минирования.

В своей деятельности немецкая разведка опиралась на фашистские центры, такие как "Браунес хаус" ("Коричневый дом") в Тегеране или "Дойчес хаус" ("Немецкий дом") в Тебризе. В 1940 г. немцы приступили к строительству "Назиабада" ("Город нацистов") - центра гитлеровской пропаганды в Иране{6}.

Для укрепления агентурной сети в октябре 1940 г. в Тегеран прибыл сотрудник СД, по некоторым данным - штурмбаннфюрер СС Франц Майер{7}. Он был высокого роста, с круглым лицом, голубыми глазами, длинными зачесанными назад волосами. Слева от глаза до уха тянулся шрам, на левой руке - короткий безымянный палец, на груди - следы ожога - результат полученного во время польской кампании ранения. Ф.Майер бегло говорил по-персидски, любил популярную в Иране игру в нарды, слыл мастером перевоплощения и при желании мог сойти за иранца. При встрече с незнакомыми людьми он именовал себя Хусейн-ханом. Иногда для выполнения специальных заданий облачался в форму капитана персидской армии. Именно ему германский посланник в Тегеране Эрвин Эттель давал наиболее деликатные поручения{8}. Хорошо знавший Ф.Майера немец Гайер, арестованный НКВД, отзывался о нем как об одном "из умнейших людей", которых когда-либо встречал{9}. К моменту прибытия в Германию разведчику было 37 лет.

Появлению Ф.Майера в Иране предшествовали следующие события. С начала Второй мировой войны разведчик находился на задании в Советском Союзе. По возвращении в Германию в феврале 1940 г. он представил доклад, в котором высоко оценил политическую, военную и экономическую мощь СССР, чем вызвал недовольство руководства. По-видимому, его направление в Иран было своего рода наказанием специалисту, не разобравшемуся в тонкостях сложившейся политической ситуации. Однако при этом Берлин не дал своему агенту никаких конкретных указаний{10}.

Ф.Майер, не дожидаясь инструкций начальства, приступил к активной работе. Тот факт, что в страну он прибыл в качестве представителя фирмы "Мерседес", позволил ему с первых же дней установить связь с военнослужащими страны (в его прямые обязанности входило снабжение механизированных частей иранской армии автозапчастями). Главным информатором Ф.Майера стал армейский офицер, выходец из советского Азербайджана Зульгадар.

В первые месяцы после нападения фашистской Германии на СССР советское правительство трижды (26 июня, 19 июля и 16 августа) предупреждало иранских лидеров об активной подрывной деятельности немецкой разведки на территории страны. Однако, несмотря на все заявления иранского правительства о приверженности политике нейтралитета, заметных мер по ограничению и сдерживанию немецкой активности принято не было.

В интересах самообороны 25 августа 1941 г. СССР воспользовался правом ввода войск на территорию Ирана, предоставленным статьей 6 советско-иранского договора от 26 февраля 1921 г., предусматривавшей подобную акцию "в случае попыток третьих стран превратить страну в базу для военного выступления против Советского государства и в случае опасности советским границам", если иранское правительство не будет "в силе отвратить эту опасность"{11}. СССР мотивировал необходимость сделанного акта в принятой по этому поводу ноте{12}, в которой отмечалось, что "германские агенты самым грубым и беззастенчивым образом... превратили территорию Ирана в арену подготовки военного нападения на СССР". Назывались имена фашистских резидентов, среди которых был и Ф.Майер{13}. Одновременно с советскими войсками с запада и юга в Иран вступили англичане.

Вскоре между правительствами стран союзников по антигитлеровской коалиции и правительством Ирана начались переговоры. 29 января 1942 г. был подписан договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном, согласно которому СССР и Великобритания обязались уважать территориальную целостность, суверенитет Ирана, защищать его всеми имеющимися в их распоряжении средствами против любой агрессии со стороны фашистской Германии или другого государства. В свою очередь правительство Ирана обещало предоставить союзным государствам транспорт, железные и шоссейные дороги для перевозки стратегических грузов{14}.

Став непосредственным участником антигитлеровской коалиции, Иран был вынужден разделить с союзниками тяжесть борьбы с германским фашизмом. Для наведения порядка в стране и предотвращения возможных провокаций вводились военные трибуналы, смертная казнь, запрещалось проведение собраний. Многие иранцы не могли осознать того, что подобные меры в условиях военного времени являлись необходимостью. Еще ощутимее для них стали экономические последствия договора. Деньги обесценились, стоимость жизни выросла в несколько раз. Цена мешка муки превысила годовой доход среднего иранца{15}.

Все это вызывало возмущение населения, выливавшееся в ряде мест в демонстрации протеста. Так, 9 июля 1942 г. в Реште городская беднота разгромила склады риса, продовольственные лавки и рисоочистительный завод. В Исфахане стихийно возникла большая демонстрация с участием 500 женщин и детей{16}.

Сложившаяся ситуация создала благоприятную почву для активизации германской агентуры, ушедшей после августовских событий в подполье. Несмотря на принятые союзниками меры по интернированию проживавших в Иране германских граждан, руководителям фашистской резидентуры все же удалось избежать ареста. Ф.Майер сначала скрывался на армянском кладбище, некоторое время работал могильщиком, переодевшись под иранского батрака. Затем несколько недель бродяжничал по Ирану, пока не нашел приют у иранца по имени Хассан{17}. Установив связь с командиром исфаханской дивизии генералом Захеди, немецкий агент получил деньги, провизию, наладил контакты с вождями кашкайских, бахтиарских и курдских племен{18}. Последнее дало возможность сделать первые шаги к объединению всех прогерманских групп в единую организацию "Меллиюн-е-Иран" ("Националисты Ирана").

По планам Ф.Майера, предполагалось использовать формируемую им организацию в целях создания мощного националистического движения, способного во взаимодействии с германскими агентами взять власть в стране и превратить ее в союзника Германии. В основу программы организации был положен главный принцип, исповедовавшийся резидентом, - объединение иранских и германских националистов во имя борьбы с "русским большевизмом" и "британским империализмом". Эмблемой "Меллиюн-е-Иран" агент избрал "Вольфсангель" ("Волчий капкан") - знак, напоминающий свастику. Форменная одежда для вооруженных членов движения состояла из сапог, черных коротких брюк, голубых рубашек.

В это время была создана подпольная антисоюзническая организация "Хезб-е-Кабут" ("Голубая партия"), целью которой являлось вооруженное выступление против частей Красной армии и английских войск в момент приближения немецкой армии к иранской границе. Ее руководителем стал депутат меджлиса Хабибулла Ноубахт, хорошо известный своими прогерманскими взглядами{19}. Свое название организация получила из-за бюллетеней голубого цвета, означавших голосование против ратификации союзного договора{20}.

На протяжении нескольких лет "Меллиюн-е-Иран" и "Хезб-е-Кабут" вели активную диверсионно-террористическую и

агитационно-пропагандистскую работу. Они провоцировали выступления племен против союзников и центрального правительства. Им удалось установить контакт с влиятельнейшим вождем кашкайцев Насыр-ханом. Германские агенты организовали несколько терактов на иранской территории, пытались оказывать влияние на выборы в парламент, подкупали местных чиновников, внушали иранцам мысль о приближающейся победе стран фашистского блока. Ф.Майером был разработан детальный план всеобщего восстания, которое предполагалось приурочить ко дню выхода вермахта к иранской границе.

Неудивительно, что, задумав ликвидировать лидеров "большой тройки", Берлин связывал надежды с организацией "Меллиюн-е-Иран", имевшей филиалы по всей стране. Именно люди Ф.Майера должны были бы встретить заброшенных в Иран парашютистов - диверсантов, в задачи которых входила организация в этой стране терактов. Однако умелые действия английской и советской разведок сорвали эти планы. Несколько раз Ф.Майеру удавалось уходить от преследования, но 15 августа 1943 г. он все же был арестован иранской полицией{21}. Это имело далеко идущие последствия, так как оставшиеся без руководителя иранцы - члены организации практически прекратили активную деятельность. Избежавшие ареста немцы (агенты абвера и СД) были плохо знакомы со страной, не знали местных обычаев. Для тех, кто задумал "Вайтшпрунг", сложилась непростая ситуация. У немцев в Иране не осталось надежного человека, которому можно было бы поручить ликвидацию "большой тройки", что и послужило основной причиной провала операции.

Представляет интерес дальнейшая судьба агента. Он был передан в руки англичан, переправивших его в Индию. Там следы Ф.Майера затерялись. Погиб ли он в британских застенках или в условиях "холодной" войны стал работать на новых хозяев? До сих пор не известно. Мы знаем лишь то, что незадолго до ареста во время одной успешно проведенной операции в руки советских разведчиков попал его дневник. Его перевод хранится в Архиве Службы внешней разведки России. Доступ научной общественности к этому уникальному источнику стал возможен только в связи с процессом рассекречивания документов, начавшимся в нашей стране в 1990-е годы. Публикатор считает своим долгом высказать глубокую благодарность руководству Службы внешней разведки и лично руководителю пресс-бюро СВР Борису Николаевичу Лабусову за предоставленную возможность ознакомиться с документом.

Дневниковые записи охватывают период с 5 декабря 1941 г. по 9 октября 1942 г., т. е. время активной работы германской разведки по формированию мощного антисоюзнического фронта в Иране. К ним прилагаются ключи к коду, шифру и условным обозначениям, которые использовались при записи.

Дневник содержит сведения о попытках Ф.Майера создать в Иране "Меллиюн-е-Иран", ценные данные о структуре этого объединения и его социальном составе. Представляется, что "Меллиюн-е-Иран" была глубоко законспирированной организацией, состоявшей в основном из националистически настроенных иранских офицеров, недовольных присутствием в стране войск союзников. Наиболее последовательным сторонником ориентации на Германию являлся генерал Захеди, который не только подготавливал свержение династии Пехлеви, но и надеялся с помощью немцев стать правителем Ирана. В дневнике даются характеристики некоторых иранских политических деятелей.

Изучение источника позволяет ответить на вопрос, почему иранские националисты во имя восстановления могущества своей родины встали на путь сотрудничества с фашистской Германией. Создавая организацию, Ф.Майер особое внимание уделял исламскому фактору и спекуляциям на создании "великого Ирана". Ему удалось привлечь известного религиозного деятеля шейха Сеид Абдул Касем Кашани, который вошел в состав ее руководящего комитета. Именно обращение к религиозным чувствам иранцев и обещание избавить Иран от иностранного засилья позволили разведчику добиться серьезных успехов. Записи предоставляют богатый фактический материал о подготовке иранских националистов к выступлению против британских вооруженных сил и частей Красной армии. Руководство "Меллиюн-е-Иран" планировало организовать летом осенью 1942 г. широкомасштабное восстание.

В документе нашел отражение механизм взаимодействия разведок стран "оси" в Иране, показано, что отношения между ними были далеки от дружественных. Ф.Майер неоднократно выказывал свое недовольство, а порой и возмущение действиями японцев, считавших Иран сферой своего влияния{22}. Работать Ф.Майеру приходилось в довольно сложных условиях. Постоянная нехватка материальных средств, проблемы со связью, взаимное недоверие и подозрительность между членами "Меллиюн-е-Иран", деятельность советской и английской разведок по пресечению фашистской активности в Иране создавали серьезные проблемы для воплощения в жизнь его замыслов.

Документ публикуется в переводе, сделанном органами советской разведки в 1943 г., с некоторыми сокращениями: опущены малозначительные детали, подробности и повторы, фрагменты текста с несовершенным переводом. Купюры отмечены отточием, заключенным в угловые скобки. Восстановленные части слов или слова помещены в квадратные скобки. Сохранен стиль документа, сделана незначительная литературная правка. При подготовке примечаний использованы ключи к условным обозначениям фамилий и понятий. Для удобства читателей аббревиатуры, обозначающие контактеров Ф.Майера, набраны полужирным шрифтом, а относящиеся к одному лицу указываются в одном примечании. Следует отметить: не все имена поддаются расшифровке, что создает определенные трудности при чтении и восприятии источника.

А.Б. Оришев.

Из дневника Франца Майера

5 декабря 1941 г. - 9 октября 1942 г.

05.12.1941 г.

Я рад, что сегодня, в пятницу, не вышел "Журналь де Тегеран"{23}. Английская и русская пропаганда причиняет много страданий. <...> Чувство, что за тобой следят, развилось до того, что боюсь развернуть газету. Делаю это с большой осторожностью, как будто бы вытягиваю первый приз.

Я был в хорошем настроении, так как в четверг были получены известия об операциях Роммеля{24} в Северной Африке, а также английские сообщения из Каира об успехах немецких и итальянских войск.

Прибыл Хассан{25} и принес с собой номер "Журналь де Тегеран". <...> Прочел [статью] "Русские наступают по всему фронту". Немедленно ищу немецкие сообщения. Их нет в последнее время. Делать нечего, я вынужден читать английский и русский тексты. На севере под Ленинградом уничтожено 500 000 немцев, наступление становится все более гигантским. На юге немцы тоже отступают. Я, конечно, знаю все о методах английской и русской пропаганды, но в моем положении, которое располагает к пессимизму, а не к оптимизму, трудно вообразить то впечатление, какое производят такие сообщения. Каждая деревня, дорога, занятая немецкими войсками на южном фронте, является шагом вперед в нашей работе и, что не менее важно, приближает мою свободу.

Из моих предшествующих высказываний ясно, что я не игнорирую европейское развитие, во всяком случае, в его существующей форме. Однако на Востоке у меня есть свои планы. Иногда чувствую, что будто бы я ответственен за образ мышления

иранцев. Здесь во многом мы преуспели. Группа M.S.{26} разбрасывает листовки с лозунгом "Да здравствует Германия, долой англичан, долой русских!". Выступает S.M.{27}, а весь глупый народ идет за ним. Для этой восточной нации все зависит от хороших известий с фронта, особенно с южного. Я не хочу, чтобы из-за слишком большого натяжения лук лопнул в один из этих дней или ослаб. Жаль, если томми (1) удастся изменить настроения персов мешками с мукой и сладким хлебом, а они пытаются это сделать. Персы не похожи на арабов, у которых всегда кипит кровь. <...> Сегодня утром меня чуть было не накрыли, но я вовремя избежал опасности. Поздно днем услышал незнакомые голоса у ворот. Я был уверен, что дверь заперта наверху. <...> Я успел только закрыть дверь и занавески, как тучный человек прошел мимо окна моей комнаты. Никого не было, и незнакомец мог делать, что угодно. Слава Богу, что женщина{28} увидала мужчину издали и поспешила домой. Человек хотел нарвать цветов! Я рад, что получил хороший урок.

06.12.1941 г.

Утром, когда я учил персидский, приехал S.M. Он был в хорошем настроении и неплохо выглядел. А почему бы нет? <...> Он встретил Z.{29} и надеется выяснить с ним дело с К.{30} Мы говорили о методах пропаганды в Тавризе. Мы придаем ей сейчас ясный антитурецкий характер. Турецкий вопрос занял у нас много времени. Последние события вынуждают меня все больше соглашаться с его мнением. Разрешение турецкого вопроса политическим путем кажется необходимым и разумным. Во-первых, это будет встряской для кавказского фронта; во-вторых, значительно поможет фронту в Ливии <...> В пять дня пришел A.Z.{31} и принес мне поесть. Как вкусна была колбаса после риса и яиц! <...>

09.12.1941 г.

Так как удалось договориться с S.M. о совместных действиях, я начал свое письмо к японскому посланнику{32}. Я не имел представления, что в этот день начнется война между Японией, Америкой и Англией{33}.

05.01.1942 г.

Ничего не писал с 10 декабря, так как у меня не было книги. С 12 по 20 декабря я путешествовал в Казвин и Хамадан. Два раза меня приняли за вора. Это должно послужить мне уроком - не одеваться слишком бедно. Случилось это в Казвине, центре русских. Часть пути я прошел пешком, большей частью передвигался на грузовиках. Страдал от холода, так как спал тоже в машинах. Теперь я у финиша. Говорил с шейхом M.R. из D.D.{34} Этот человек производит сильное впечатление. У него синие

глаза, он носит бороду и усы, широкоплеч и имеет гордую осанку. Да и моя борода не плоха, а плечи не менее широки. После своего возвращения (21 декабря) я имел продолжительную беседу с M.S. Узнал, что Муфтий{35} приехал в Берлин. Это, конечно, самое лучшее решение. Мы оба уверены, что теперь необходимо связаться каким-нибудь образом с Берлином, и думаем сделать это через нашего нового союзника. Только кто будет принимать наши сообщения - здание [японского посольства] находится под строгим наблюдением{36}. A.Z. предложил свои услуги, но я не хотел поручать ему это дело. M.S. обещал до 23 декабря найти кого-нибудь. 21 декабря я закончил свой длинный рапорт. Всего написал 21 страницу и описал только свое существование. Подумав, я пришел к решению рискнуть и самому отнести материал и в то же время попытаться поговорить по передатчику. <...>

23 декабря A.Z. встретил K.S.{37}, человека, назвавшегося связистом, который принес ему второе письмо с важными новостями и требованиями. С тех пор начались регулярные встречи. <...>

Позавчера с плохими известиями пришел M.S., V.B.{38} выкраден ГПУ. Точно по методу генерала Миллера{39}. Никто не знает куда. Арестованы вождь азербайджанцев и три иранца. Министр внутренних дел заявляет: "Что могу поделать?" Британский посланник: "Я этого не делал". Но никто не осмеливается пойти и спросить у русских. Один азербайджанец, бывший в хороших отношениях с русским посольством, в пьяном виде сказал, что там есть список из 600 иранцев, которые должны исчезнуть таким же образом сразу после подписания договора{40}. Среди них M.S. Исчезновение V.B. явилось большой потерей для нас. Из-за M.S. место, где я скрываюсь, в опасности. <...>

17.01.1942 г.

Так как днем я отказался от печки курси{41}, то не мог писать. Тем временем произошли вещи, которые надо было бы записать, но у меня слишком замерзли пальцы. <...> Скучно сидеть слишком долго в одном месте, к тому же это сближает с людьми. А в Иране это опасно. От таких людей надо держаться на расстоянии. Они могут нравиться, но несмотря на это им надо показывать кнут, а то они придут в возбуждение и станут невыносимыми{42} <...>

Я почти уверен, что это шпион, так как знаю К. больше с неприятной стороны, а не как честного и чистого человека. Также возможно, что V.S.{43}, который знает К. и A.Z., подстроил все это, но, будучи разумным человеком, предпочитает оставаться в

тени. Однако я боюсь больше первого предположения, чем второго, и благодарен A.Z. за его такт. <...>

17.02.1942 г.

Целый месяц я ничего не писал. Почему? Мои записи, если и представляют интерес, небезопасны. <...>

То, что я дважды вижу Саки, приносит хорошие результаты. <...> Эти люди{44} сидят здесь в четырех стенах и на последние деньги пичкают себя ежедневной прессой. Несмотря на многие обещания, а я не сомневаюсь, что они были искренними, и для этого у меня есть доказательства, мой подробный доклад еще не отправлен. Русские не пропускают ни одного письма. Это, конечно, очень печально. <...>

A.Z. устроил мне встречу с N.D.{45} Мне пришлось ехать три дня, но все прошло гладко, несмотря на полицейский контроль. Если уверения N.D. соответствуют действительности, то наша работа идет хорошо и все зависит от приведения системы в готовность и от того, насколько правильно мы выберем момент. Я обещал N.D. разработать подробный план встречи немцев как в столице, так и в провинции. Поэтому главная работа разворачивается, в основном, в южных районах и в центре города.

Время и обстоятельства покажут, как можно будет использовать племена. Если объединить их под военным командованием, то таким образом можно было бы достичь хороших результатов. Мне кажется необходимым придать всем контрдвижениям определенный религиозный тон и, если это вообще возможно, привлечь из этих кругов на свою сторону выдающиеся умы. Затем создать исламский иранский комитет, который будет искать связи с подобными движениями в Ираке, Палестине и затем вновь в Афганистане, Египте, Сирии, Индии и южной России. Тщательная организация такого движения, которое возьмет на себя определенные религиозные права командовать, значительно облегчила бы положение вещей в смысле "священной" войны.

M.S. привез некоторые подробности (сообщение о работе союзников на аэродромах)... N.D. дал мне список высокопоставленных офицеров в Тегеране... Также заключение ирано-русско-английского пакта. Депутат Ноубахт протестовал больше всех. <...>

08.03.1942 г.

Мне пришлось провести ночь под открытым небом, в стоге сена без одеяла и еды. Я все время боялся, что друг Хассана{46} может увидеть меня. Но я не простудился. А зачем простужаться? Итак, полгода я живу, будучи уверенным, что мое существование может прекратиться в любой момент... Сохейли{47} настроен

проанглийски и определенно антирусски. В разговоре с К.Н.{48}, касаясь немецкого наступления на востоке, он заметил: "Наконец мы можем вздохнуть свободно. Раньше мы боялись каждого немецкого удара по англичанам и русским. Теперь я настроен пронемецки". Затем он даже был готов сделать нам предложения по поводу нового режима. Этот фокус и его быстрый ум делают из него подходящего министра для нашего государственного переворота. Что-то вроде маленького Талейрана. Посмотрим, что скажет К.Н.

Если бы только где-нибудь прошла немецкая армия! Пришла весна, и каждый наступающий новый день становится все более невыносимым. Никто не верит, что на востоке все еще зима. Для моих переговоров мне необходимо известие о победе немцев. Мы на Востоке находимся в зависимости от английской пропаганды. Сегодня я готовлю объяснения и предложения для N.D.

09.03.1942 г.

Только что прибыл A.Z., чтобы сообщить мне, что N.D. по разным причинам не может прийти на встречу. Семейные ссоры и недомогание. Сначала я подумал, что он стал слабым. Это всегда надо помнить, когда имеешь дело с восточными людьми. Если бы A.Z. пришел на пять минут позже, я бы ушел. Однако дальнейшие слова A.Z. показали, что мои опасения необоснованны. N.D. работает, и работает хорошо. A.Z. совершенно прав, говоря, что до тех пор, пока мы можем поддерживать связь, мы не должны рисковать. Я снял свой костюм бродяги, грим (черная сажа из печи, намазанная тонким слоем), вымылся и стал разговаривать с A.Z. <...>

Не менее интересна та темная дорожка, по которой K.S. и я снова пришли к контакту. Иранцы, русские и англичане и не мечтали об этом. K.S. теперь, по мере возможности, является осведомителем{49}. <...> В целом кабинет, по-моему, неплохой{50}. По крайней мере, Бадера и Джаханбани иностранцам не удастся подкупить. Я говорил о Сохейли раньше. Только должен добавить, что он был заинтересован в Министерстве внутренних дел и раньше, а также в руководстве парламентом. Отец Джаханбани был убит русскими в Тавризе. Насколько мне известно, Бадер делал все возможное для развития германо-иранской торговли. У него репутация гения в вопросе бюджета. Ахи женат на русской большевичке, и поэтому результат очевиден. Другие для меня не важны. <...>

Едва я успел попить чай с A.Z., как в дверь постучал M.S. Он всегда приходит в то время, когда у меня есть дело с A.Z. Так как A.Z. должен уезжать в полдень, чтобы вовремя быть у N.D. и K.S., я заставил M.S. ждать до тех пор, пока не были записаны мои

информации для A.Z. Остается посмотреть, на что способен K.S. После провала опыта с У.{51} я ничего больше не мог сделать. Преданный A.Z. уехал с этими материалами. Нет более храброго, надежного и преданного посыльного, чем A.Z., и, должен добавить, более эгоистичного.

Надеюсь на Бога, что после моего возвращения я смогу отблагодарить его. Имел продолжительный разговор с M.S. Он так любит говорить. У меня достаточно такта для того, чтобы предоставить ему такую возможность. Мы говорили о новом кабинете. В целом он согласен с моим мнением. Возможности K.S. произвели на него впечатление. N.P.{52} - новая курдская возможность, которой M.S. хочет очистить дорогу. Он говорил о 12 тысячах человек (русских, армянах, персах и т. д.), специально обученных русским посольством и снабженных оружием. Цель ясна - контроль в столице в трудный момент. После этого он сказал мне, что в Тавризе открыто говорят о трех существующих правительствах: персидском, красном и курдском. <...>

23.03.1942 г.

Прошло больше года, как я сижу в темном укрытии, ежечасно боясь врагов. Новый год{53}. Как я мечтал об этом дне, как надеялся на него, рассчитывал все свои действия к этой дате. Наступило время, которое покажет наши силы. Так красиво высказался наш вождь. Не только я чувствую, что этот год будет решающим для Германии, год поворотного момента в мировой истории. Мы начнем этот год, смеясь, как весеннее солнце, с огнем убеждения. Солдаты и товарищи, находящиеся на востоке и борющиеся против нигилизма, стоящие перед лицом новой героической эры, желаю вам от всего сердца счастья и победы. <...>

С 12 по 22 марта у меня не было ни времени, ни настроения писать, так как эти дни заполнены работой и мыслями. Я почти не читал газет, без них гораздо лучше, так как мои собственные планы созрели, и я могу их теперь тщательно просмотреть без влияния глупой русской и надоедливо лживой английской пропаганды.

A.Z. отнес мое письмо к N.D., в котором до мельчайших подробностей изложен мой план и его подготовка. Естественно, что я не могу скопировать его здесь, но надеюсь, что смогу вспомнить хотя бы основные моменты{54}. <...>

31.03.1942 г.

Целые дни я сижу за картами, должен для наших друзей делать планы и переносить их на бумагу. Усложняет работу то, что мне приходится писать латинскими буквами, к чему я не привык, кроме этого приходится принимать во внимание, что мои

читатели плохо знают [англичйс]кий. Записи в этой книге пытка для меня. Я это делаю для того, чтобы впоследствии иметь доказательства своей деятельности. Кто знает, как мне придется отвечать за прошлое и что выйдет из наших планов. <...>

23 марта A.Z. встретил Кава и сказал ему, что я собираюсь повидать его в доме 27 марта для того, чтобы поговорить с его коллегами. Мои цели были таковы: 1) связаться с Анкарой; 2) узнать, насколько сходятся планы мои и этих людей и можно ли их объединить; 3) получить деньги для наших планов. На следующее утро состоялись разговоры о планах и возможностях между шефом{55}, его представителем, военным атташе{56} и Кава, с одной стороны, и мной, с другой. Разговор велся на трех языках и длился почти три часа. По двум причинам мы не пришли к какому-нибудь заключению: 1) потому что эти люди, отрезанные от всего мира, покорились своей судьбе, а поэтому склонны рассматривать любую деятельность, подобно моей, бесполезной и излишней; 2) потому что после трех месяцев успешных наступлений японцев они решили, что могут завоевать мир. Политические выскочки? Им не понравилась идея присутствия немецких войск в Персидском заливе. Уже при первом своем визите шеф заметил, что цели немцев и итальянцев находятся в Африке. <...> Наши переговоры закончились безрезультатно, и у меня в своей комнате было достаточно времени, чтобы обдумать этот неожиданный исход. <...> Оружие, патроны и карты были выданы мне немедленно. Кроме того, пижама - кимоно. Кава сейчас занят обменом для меня 500 долларов и поиском нового средства связи. <...>

Я вернулся вечером 28 марта тем же путем, как и ушел, с твердым намерением работать еще больше и более решительно, чтобы дать японцам задание ввести нас в дипломатическую сферу в Тегеране, что мы, возможно, не сможем сделать своими силами. <...>

10.04.1942 г.

Сегодня утром умер Хассан. 3 апреля я заболел гриппом. Несмотря на то, что днем я лежал в постели, вечером вышел на встречу с K.S., но этот негодяй не пришел. Моя простуда усилилась. <...> K.S. обманул меня не только 3-го, но также и 6 апреля. Я не собираюсь забывать такой гнусности. <...> 4 апреля A.Z. прислал мне письмо от N.D., в котором сообщает, что организация F. сформирована, и что он сообщит мне подробно обо всем 11 апреля. Сам F. уехал для переговоров с вождями кашкаи. Особенно приятным является новая связь с моим старым другом V.S. Он был очень рад узнать о моем существовании, просит разрешения работать с N.D. и F. <...>

Мы пришли к N.S.{57}, где нас дружелюбно встретили, затем в новой маскировке двинулись к A.A.{58} Здесь было мое новое жилище. <...>

Жене Хассана я дал денег, чтобы она вместе с семьей вернулась на родину. Я еще не хочу говорить о моем новом месте жительства. Большим преимуществом пока является чистота. Недостатков много, я не чувствую себя в безопасности. <...> Семья Хассана была почти дикой. Хотя они и знали, что меня никто не должен обнаружить, но не знали почему и не интересовались этим. Они ничего не знали о Германии, находится ли это в Тавризе или Индии, остров это или море. Мои приказания выполнялись беспрекословно, без попыток допытаться, зачем это делается. Я мог уходить и приходить, когда захочу. Здесь наоборот. Люди умеют читать и писать, из мелкобуржуазной среды, образованы и, как все подобные люди, думают о себе больше, чем они есть на самом деле. Я не хозяин в доме, как там, а жилец, гость. Но это еще не самое плохое. Хуже всего то, что сам A.A. интересуется политикой, а поэтому старается быть более важным, чем есть в действительности. Он хочет узнать от меня еще больше. Это плохо сказывается на моих нервах. Когда у него есть время, он преследует меня. Поэтому я просил, чтобы никто ко мне не приходил кроме A.Z., в ком я очень нуждаюсь. Во всем этом я вижу одну цель - прожить здесь месяц и раскусить жалких людей. Надеюсь, мои расшатанные нервы это выдержат.

20.04.1942 г.

<...> A.Z. принес письма от N.D., 216-го и Ich{59}. Плохие новости. 216-й поссорился с N.D. на почве ревности и пишет прощальные письма ему, мне и Ich. N.D. идет к Ich и узнает, что это исходит оттуда, и тоже забастовал. Все это потому, что господин Ich, этот школьный учитель, не мог послушаться меня, не начал с того, о чем я его просил, вторгся в мои связи. Как и раньше, в отношении Тавриза те же результаты. Но теперь я умнее и не знакомлю г-на Ich с моими друзьями. Во-первых, я послал A.Z. к Ich с письмом для него. Мне кажется, что в нем я все выразил. Обвинив и угрожая его исключить, сказал ему следующее: 1) Согласно его собственным предложениям, работа будет распределена. 2) Он должен немедленно порвать связь с N.{60}, 216-м и его людьми. 3) Его собственные связи меня не беспокоят. 4) Он получит от меня все, что нужно для работы. 5) Курьеры и W/T{61} будут в его распоряжении.

Как я и ожидал, адресат не ответил. Хорошо. Затем я написал письма к 216-му и к N.

22.04. 1942 г.

<…> S.N.{62} уехал сегодня утром. N.D. передал мне через A.Z., что собирается прислать друга, который будет исполнять роль звена между S.N. и F. Состоялась продолжительная беседа с A.Z. о наших дальнейших взаимоотношениях и методах совместной работы. У него есть ненужная гордость, которая всегда доходит до крайности, но из-за искренней преданности ко мне он усмиряет ее, а затем раздражается страстными вспышками. Я могу переносить эту гордость и не становлюсь мягким, так как знаю его преданность. Все равно я понимаю, что требую от A.Z. слишком многого.

К несчастью, мое здоровье все еще плохое. И оно останется таким до тех пор, пока я буду сидеть в четырех стенах. Этот A.A. - типичный человек, говорящий "фарда" (завтра). <…>

24.04.1942 г.

216-й прислал мне много писем через N.D., в которых он пишет, что хочет срочно меня видеть, чтобы представить своих друзей. Самым важным сейчас является то, что ко мне привели PNB{63}. Он напишет письмо в Энкас{64} и даст мне возможность поговорить с ним о политике правительства. Надеюсь повидать его сегодня вечером. Отсрочка происходит из-за N.D., который хочет все больше отдалить от нас 216-го. 216-й не без оснований выражает это опасение в письмах ко мне. <…>

26.04.1942 г.

Когда я заглядываю в будущее, мне рисуется одна картина: европейское пространство под руководством третьей империи, куда входят Россия, Иран и Афганистан. Индия является самостоятельным вопросом. Средиземноморская лига под руководством Италии, включающая арабский мир и исключающая Западную Африку. Исламистская идея является культурным вопросом, то же самое с северной идеей. Нужно преодолеть первую, чтобы понять вторую. <…>

01.05.1942 г.

Как и договорились, вчера я ходил к Саба{65}. Я пошел один и без труда нашел дорогу. Саба, для которого я достал дом на свои деньги, живет в полной безопасности.<…> Он не приступал к работе до тех пор, пока я не послал сообщение о FN 1{66} и не направил к нему 216-го. Тогда ему понравилась мысль о лежании в теплой постели. Когда его жена уезжала, она видела исключительно только мои сообщения. Но что делал г-н Саба? Он наказал своей жене заверить Анкару в том, что станет связным между немецкими и иранскими военными властями. Да, эти люди! Их достоинство не больше достоинства школьного учителя, переводчика или труса, но они думают, что могут, будучи умными и имея связи, получить ту награду, которую заслуживают

другие. Со мной это не выйдет, г-н Саба. Без меня Вы не можете прожить и дня, не можете получить никаких известий, установить быстро связь. Все курьеры, которых послал Саба, взяты из связей 216-го. Я представил его в распоряжение Саба, когда он был в Тавризе. Для того, чтобы избежать ссоры, я не обратил внимания на его наглость и перешел к следующему соглашению: 1) Все немцы здесь должны находиться под моим контролем. 2) Только я один контролирую все связи с иранцами, даже если они появятся со стороны Саба. 3) Я должен сообщать Саба все военные новости, но сообщения в Анкару должен посылать я. 4) Саба должен консультироваться со мной по всем военным вопросам до тех пор, пока Берлин не примет специальное решение. 5) Мы должны иметь общих курьеров. 6) Я должен ввести Саба в нашу центральную контору.

Я хочу подчеркнуть здесь, что имею серьезные намерения в отношении этого сотрудничества. Если бы мы могли жить под одной крышей, то можно было бы избавиться от многих трудностей, возникающих из-за различий наших положений. Но сейчас это невозможно. Поэтому более важным являются это небольшое соглашение и железная дисциплина. <...>

04.05. 1942 г.

216-й прислал вчера письмо, в котором пишет о разговоре с N 2. Я так и знал, что это будет что-то вроде этого. SP 30 не только поступил поспешно, без полномочий, но также не умолчал о своем разговоре с F. Результат: 216 N 2 рассержен. Он хочет руководить всем. Сначала на основе своей партии, затем на основе своего положения. <...>

06.05. 1942 г.

Корреспонденция растет с каждым днем. Очень неудобно, когда все приходится объяснять письменно. Если писать кратко, то переводчик не поймет, а получатель прочтет много неприятного для себя. Могу сказать, что последние несколько дней изматывают мои силы. Всегда приходится уравновешивать эти группы{67}, чтобы они не съели друг друга. Кроме того, ошибки, которые совершают посредники, усложняют работу. К этому еще надо добавить, что я сижу взаперти в маленькой жалкой душной комнате - все это расшатывает мои нервы. <...>

Вечером снова пришел M.S. и принес свои прекрасные карты. Наконец он связался с N.P. Теперь надо выяснить, как освободить N.P. Он сам делает все возможное. Приход M.S. всегда освежает после скандалов с другими друзьями. После моей обличительной речи против его переоценки армян он стал гораздо разумнее и спокойнее. FN 1 все еще не приехал. Я этого не понимаю, он обижен или его преследуют?

07.05.1942 г.

Рано утром написал письмо 216-му с просьбой привести сегодня ко мне 216 N 2, а также позвонить FN 1 и попросить его прийти вечером. В ответ от 216-го пришло письмо с сообщением о том, что англичане опять арестовали немца Готлиба, жена которого, иранка, утверждает, что они получили денежную помощь от шведского посольства. Это очень опасно.

F.S.{68} очень гордится своими успешными поисками новостей. Кто-то заявил иранским властям, что скоро переловят всех немцев. Нет сомнения, что круг все сужается, и в одном месте он, кажется, доходит до меня. Но я не могу бежать до тех пор, пока моя организация не будет стоять на твердых ногах. Также я хочу снять с себя ответственность за тех немцев, которых знаю. Днем я написал длинное письмо FN 2{69} с предложениями в отношении организации и попросил его информировать Саба.

216-й приехал только ночью. Его было трудно убедить в моих планах, так как он снова думает о будущем своей партии и руководстве своей группой. Я вразумлял его в тот короткий промежуток времени, который оставался у меня до приезда 216 N 2. Затем пришел 216 N 2, этот самодовольный депутат. Он думал, что у него в кармане молодой человек. Но молодой человек оказался крепким и стал еще крепче, когда узнал, что рассчитывают на его молодость. 216 N 2 нашел нужным мне сказать, что он сам имеет такую сильную организацию, что нет необходимости делить ее с другими, и поэтому вынужден отказаться от моих предложений. Но это не помешало ему быть иногда настойчивым, а иногда уступчивым. Я победил его в борьбе, которая продолжалась два часа, и он согласился. Теперь остается собрать всех пятерых вместе и энергично готовить их к работе. 216 N 2 обещает принести мне еще таких животных, как эти куницы и хорьки{70}. Он также настаивает на отъезде к куницам. Его сын очень хочет меня видеть. <...>

08.05.1942 г.

После своей вчерашней победы над 216 N 2 я чувствую себя лучше и с нетерпением жду прихода A.Z. Утром и днем я писал программу для последних дней в этом городе, разделил районы действий различных оперативных групп, высчитал даты встреч с наиболее важными лицами и первой организационной встречи исполнительного комитета. <...>

09.06.1942 г.

Прошел почти месяц с тех пор, как я писал в этой книге. Месяц, который останется в памяти до конца моих дней. У меня не было ни чувства покоя, ни чувства безопасности, даже достаточного здоровья, чтобы вспомнить об этой книге. То, что

произошло в эти дни, было до того полно интриг, лжи, низости, ревности, недоверия друг к другу и других плохих вещей, что их следовало бы описать подробно, если можно было бы спокойно писать о них при одном только воспоминании.

В настоящее время положение еще не поправилось и, боюсь, что не сегодня-завтра разразится катастрофа, так ведут себя эти молодые самодовольные секретари, а также мечтающие и занимающиеся интригами старые дураки.

Все вылилось в войну нервов для меня, такую, какую я никогда не переживал ранее, тем более, что мои нервы за последние девять месяцев постоянной опасности очень расшатались. Находясь в зависимости от такта этих людей, мне приходится защищать свободу, решать самому, бороться, что доказывает, что я тратил на эту борьбу последние силы. Возможно, что 1000 туман{71} имели бы больше успеха. 9 мая был арестован Паладин 216{72}. В результате этого мы все в опасности. Несколько дней спустя был арестован хозяин Лео{73}, а еще через несколько дней на пути к турецкой границе сам Лео{74}. Этого было достаточно, чтобы на время уйти в подполье. С другой стороны, это были дни, когда я собирался создать образцовую централизацию, сосредоточить контроль в своих руках. Был как раз вечер первой встречи исполнительного комитета. <...>

Тем временем 216-му удалось установить связь с внешним миром. N 2 пришел навестить нас. Мы говорили с ним об отъезде Саба и переговорах с F. через FN 1. Он согласился. Мы подробно переговорили об этом с FN 1. Все того мнения, что SP 30 низкий человек, глупец, лжец и хвастун, реакционер худшего типа. Мы должны незаметно избавиться от него, а N 2 и F. свести вместе. Таким образом, комитет пяти расколется - отойдет SP 30. <...>

Из-за этих интриг мы потеряли много времени, и прежде чем мы начнем снова, пройдет добрая неделя. Тем временем положение в стране ухудшилось. Англичане и русские используют свое влияние на страну, и всплывают на свет их подлинные намерения. Чувствую, что не могу дольше оставаться в этом городе. Советские газеты опять начали писать обо мне. Мои фотографии помещаются в газетах по всему Ирану. В течение четырех дней был какой-то ад. Вчера N 2 прислал мне очень важное сообщение, которое подтверждает серьезность положения. Ужасно, что еще не налажена быстрая связь. Мы должны изо всех сил наладить ее.

Я все еще в доме Хаджи, и это возможно только потому, что за эти месяцы я так выучил иранский язык, их ритуал и обычаи, что не вызываю подозрения у гостей. А гостей у Хаджи больше

чем достаточно. Он истый иранец и мусульманин с верой в то, что гостеприимство является высшим религиозным долгом. По профессии он купец и хороший работник, а поэтому живет в комфорте. Он может позволить себе жить в ладно выстроенном, неплохо обставленном доме, верхний этаж которого он предоставил мне. В моем распоряжении радио, и я теперь хорошо информирован о нашем положении и о положении врага. <...>

Сам Хаджи очень интересуется политикой, он пронемецки настроенный фанатик. Но так как он купец, то ничего не знает о военных событиях. Его величайшим желанием является мечта когда-нибудь увидеть фюрера. <...>

Самым лучшим известием является, пожалуй, известие от FN о том, что 7032{75} попросил встречи. Это хороший признак. Я очень надеюсь, что скоро мы будем снова вместе и наши беспокойства уменьшатся. Запоздавшие известия от FN об SP 30 являются прекрасной иллюстрацией к моим объяснениям от 9 июня, когда 216-й и я должны были улизнуть оттуда, т. е. когда N 2 и kh{76} сообщили SP 30, что за его фермой наблюдают. SP 30 написал в полицию письмо примерно такого содержания: "Вчера (накануне событий) я стоял на крыше своего дома, когда подошли двое бродяг и попросили приютить их, так как один был болен. Я без подозрения согласился. После того как прошло два дня их пребывания под моей крышей, я заподозрил, что они лишь притворились больными. Я заставил их сказать мне правду и узнал, что один из них немец, а другой 216-й. Сообщаю об этом в полицию". Это письмо он как раз собирался послать в полицейское управление, когда к нему пришел SP 20{77}. SP 20 сказал SP 30, что такой шаг просто сумасшествие, а SP 12{78}, который пришел с SP 20, взял у SP 30 письмо и сжег его. SP 12 и SP 20 объясняют это письмо тем, что SP 30 был очень напуган, но я, конечно, знаю, что это ни что иное, как измена. Это концовка главы о лжеце и хвастуне SP 30, который хвалился своим арабским происхождением и хотел прикончить наших врагов "холодной сталью". <...> Так как SP 12 три дня назад уехал в свою деревню, я остался без связи с 216-м, а поэтому не получил ответа от N 2. Обычная встреча в пятницу на этот раз не состоялась.

Положение внутри страны все ухудшается. Наступление Роммеля могло бы повлиять на правительство и продовольственное положение. Английская пропаганда значительно усилилась, в больших количествах распространяются плакаты и памфлеты. Тегеранские аэродромы переданы союзникам. Иранские машины посланы в Исфахан. Большевики пригласили группу военачальников под руководством Сартип

Ансари посетить русский фронт. Вчера радио и газеты снова предупреждали граждан не укрывать подданных держав "оси". Государственная полиция будет жестоко карать за это...

02.07.1942 г.

Медленно, но верно я начинаю понимать, как обращаться с персами. Знаю их трюки, интриги, которых у них больше, чем у других людей. Если к ним подойти правильно, они готовы на любой риск, неприятности и даже жертвы.

Возможно, для того, чтобы ладить с людьми, надо сначала научиться страдать от лжи - большой или маленькой, на которую способны даже лучшие друзья. Следующим препятствием является сознание, что мы пруссаки. <...>

03.08.1942 г.

Я не знаю даты последних записей, так как закопал их для безопасности. Однако, по-моему, интервал равен месяцу. А может быть и больше. <...>

1 августа был большим днем для меня. Я давно забыл о письме, которое передал нашим желтым друзьям. Я подумал, что желтые друзья сыграли грязную шутку, или что S 1{79} отказался. Но оказалось не так. Я слушал радио в течение четырех месяцев, и вот 1 августа в 5 часов дня, когда я слушал немецкие сообщения в азиатской программе, вдруг услышал сообщение: "Мы узнали после из Тегерана, что разрыв дипломатических отношений между иранским и японским правительствами произошел не только в результате махинаций английского и североамериканского правительств, но и также вследствие нажима в этом направлении русского правительства". Я с трудом поверил своим ушам. Это была точно та фраза, которую я просил в своем письме передать как ключ. Было добавлено только слово "после", понятно почему событие это четырехмесячной давности. Я ожидал сообщение еще 25 мая. <...>

В отношении местных людей новое большое разочарование, надеюсь на Бога, что последнее. Разочарование в N 3 велико потому, что этот человек был готов сделать все для успеха нашей работы. Без малейших оснований он вдруг отошел в сторону. <...> Более того, совсем недавно я дал N 3 <...> туман на его расходы и, таким образом, общая сумма поднялась до 5500 туман. Из них 1500 пошли для Ганса Саба в пользу дяди (2). N 3 уверяет, что принес печатный станок за 2000 туман. Позднее он согласился, что купил станок за 500 туман. Но он не заплатил этих денег купцу, а потому последний забрал свой станок обратно. Остальные N 3 уплатил лично. <...> У меня было 15 000 туман, из которых сейчас осталось 5000 туман. Такое положение вещей оценивается как предательство. <...> Вопрос с

деньгами недавно стал особо животрепещущим. Каждый шаг стоит денег, а у нас лишь нищенские запасы, которых не хватит для того, чтобы заплатить курьерам. Это большой недостаток в стране, где деньги - все. <...>

04.09.1942 г.

Тем временем положение в этом городе с каждым днем, почти с каждым часом становится все более неспокойным. 21 августа советское и английское посольства вместе с ассирийцами, армянами и другими подонками общества попытались совершить в Тегеране государственный переворот. Для этого преступления большевики хотели использовать отставку кабинета Сохейли. Теперь благодаря парламентскому большинству и согласию короля Кавама ос-Салтане получил полномочия сформировать правительство. Еще не ясно каков будет его состав. Лео, наконец, отправили на юг. Однако Паладин 216 все еще в тюрьме, и англичане пытают его больше чем раньше. По последним сведениям, у него три штыковых раны. Но он держится твердо. Его друзья полагают, что его предал Лео. Естественно, мне бы не хотелось думать так о своем соотечественнике, но английская пропаганда говорит: "Посмотрите, вот вам немцы! Сначала они пользуются вашим желанием и подвергают вас опасности, а когда опасность подходит, выдают вас". Если в том есть хоть доля правды, то пусть как можно скорее заберет черт Лео, которого я никогда не считал ангелом.

06.09.1942 г.

Опять я восторжествовал слишком рано. Из Берлина до сих пор ничего не получено, я не знаю, что это значит. Или это упрямство А.А., или неуклюжесть наших людей? Или недостаточное количество аппаратов. <...>

11.09.1942 г.

Время идет, начинается осень, а немецкие войска все еще стоят под Сталинградом. Мы ни в чем не можем упрекнуть наших храбрых солдат. Мы беспокоимся за свою работу. С каждым днем наша жизнь становится труднее. Приближение немецких войск заставляет врага применять более строгие меры. <...> Британский консул в Исфагане сказал одному из наших друзей: "99 % иранского населения стоят за фашистов, а 1 % - люди, берущие у нас деньги и предающие нас". С другой стороны, враг имел много времени для того, чтобы ввести подкрепления в эту страну, что может затруднить выполнение наших планов. Хотя хвастливые речи Черчилля и путешествие личных представителей Рузвельта являются доказательством их слабости и пустоты, долгая отсрочка и еще одна зима дадут врагу возможность наверстать потерянное время.

И не менее важно сохранение иранского образа мышления. Этот образ основывается на непоколебимой вере в Германию, фюрера, немецкую силу. Вера, против которой бессильна любая пропаганда врага. Всякое влияние, даже огромные суммы денег бессильны против такой чисто фантастической веры. Только мы можем поколебать эту веру, т. е. немецкая армия. И если они (3) не придут в Иран до начала зимы, то да поможет нам Бог! Наше положение станет очень трудным. Для сохранения нашей организации будет лишь один выход много денег.

Но несмотря на все попытки и жертвы, деньги не получены, и связь с Берлином не установлена. О, как бы много хорошего принесла такая связь нашим войскам! Насколько меньше было бы пролито крови. Я все же придерживаюсь мнения, что победит тот, кто будет владеть Востоком, кто будет иметь Иран. Я так считаю с момента битвы во Франции и только поэтому попросил послать меня в Иран. Люди из A.A.{80} и RSHA{81} вспомнят мои взгляды, как они тоже, возможно, вспомнили мое мнение по поводу России, которое я высказал в противовес тому, что говорили эмигранты. Эмигранты всегда плохие пророки.

Не помню, писал ли я о том, что во время волны арестов, предпринятых пиратами{82}, среди 80 арестованных оказались три наших товарища. N 3 и Z 1 были взяты неожиданно, в то время как N 1 вовремя скрылся. Несмотря на богатство своей семьи, он причислил себя к разряду бездомных. <...>

Эти аресты, производимые пиратами, не были основаны на специальной информации. Аресту подверглись те, кто учился в Германии, у кого жены немки и т. д. Хитрые англичане выбрали для этих арестов как раз неделю падения кабинета Сохейли и формирования кабинета Кавама ос-Салтане. Кавам, по-моему, - старая демократическая крыса. Не являясь рабом англичан, он является демократом благодаря своему возрасту и играет на руку англичанам и американцам. Русское влияние, являвшееся решающим при кабинете Сохейли, резко ослабло. Мы пытаемся просунуть в новый кабинет своих членов, я не хочу сейчас упоминать их фамилий. Главной целью Кавама является избежание бомбардировок столицы. Сегодня я послал ему через Хоссейн-хана контртребования: 1) никаких изменений во внешней политике (статус-кво), 2) Тегеран - открытый город, 3) изменение в отношении Шахрбани (префектура полиции). <...>

11.09. 1942 г.{83}

Я заставил M.S. обрить меня. Некоторое сходство с Тимошенко{84} нельзя отрицать. Мне на это было не трудно решиться, так как у меня сильно выпадали волосы после последнего заболевания малярией. <...>

21.09. 1942 г.

Пишу эти строки для того, чтобы они могли содействовать судьбе человека, который хочет таким подлым образом проводить свою собственную личную политику, который пользуется всеми возможными средствами не для того, чтобы помочь своей нации, а для проведения своего сумасшедшего грандиозного плана, невзирая на то, страдают ли от этого его соотечественники{85}. Я должен заявить здесь, что моя вина в том, что несмотря ни на что, я доверял ему и доверил ему не кодированное письмо (хотя и запечатанное). В течение целого месяца я искал возможности встретиться с этим человеком, наконец, встретил его вечером 25 июля в доме SP 12. Как всегда, у него все было дома и ничего с собой; он обещал дать мне планы, которые я не получил. Он спросил меня тогда, что я о нем думаю, и я открыто сказал ему о его недостатках, что вся его энергия направлена на достижение личных целей, а не целей его страны. <...>

25.09. 1942 г.

Мы постепенно обосновываемся здесь. Создаем линии связи и добываем сведения о враге. Мы бы могли работать гораздо больше, если бы у нас были две вещи: деньги и связь с домом. Нужно каким-нибудь образом достать деньги, так как у нас все на исходе. Издержки, необходимые на то, чтобы поддерживать нашу организацию очень экономно, равны 1500-2000 туман в месяц. <...>

30.09. 1942 г.

В районе 10{86} не хватает нужного человека, т. е. Романа{87}. Этого моего друга, одаренного многими качествами, просто нельзя достать. Самым замечательным из всего является то, что хотя у меня так много связей во всех местах, я еще ни разу не столкнулся с ним. Не думаю, что он ничего не делает все это время. Однако мы не можем не встретиться где-нибудь. Я надеюсь, что он в безопасности, хотя, должно быть, все его средства на исходе. <...>

Еще не удалось получить денег, так что впереди меня ждет серьезный кризис. Одни только мои расходы на службу по доставке новостей достигают, по крайней мере, 1000 туман, не считая расходы 216-го в 10 на эти же нужды и наши скромные жизненные траты. Я написал A.Z. продать все ковры, надеясь таким образом поправить бюджет месяца на два. Если Надер{88} или 100, или К 2{89} из Н 10{90} не смогут помочь нам, я присоединюсь к ворам и разбойникам с большой дороги. <...>

09.10.1942 г.

Когда я просматриваю свои записи, то вижу, что они всегда делаются после того, как события, о которых они гласят, уже

закончились и являются достоянием истории. Достоянием истории не в смысле вопросов, которые разрешаются, а в смысле моих чувств и переживаний. Я хочу сказать, что я уже переварил различные события, и у меня сложилось мнение в отношении их. <...> Кроме того, в такой момент я не в состоянии сесть и выразить свои чувства. Если бы я это сделал, то мои записи превратились бы в записи судьбы индивидуума, которая хотя и довольно тяжела, все же не может сравниться с судьбой миллионов моих товарищей, которые сражаются на Восточном фронте. Для меня важнее духовные страдания. Быть отрезанным на годы от всякой связи с родиной; не быть в состоянии связаться с членами семьи и людьми своей расы, страной и континентом; быть вынужденным постоянно иметь дело с людьми, чьи особенности диаметрально противоположны нашим; жизнь врага среди врага - и безжалостного врага; быть каждый час, каждую минуту, каждый день и каждую ночь в опасности быть выданным, проданным; подвергнуться нападению; погибнуть не смертью героя, как солдат, совершивший геройский поступок, а испытать тюремное заключение, угрозы и быть брошенным палачу, как преступник и т. д. - все это делает мое существование роковым.

Тем не менее мои записи не являются делом одного человека, а говорят о части народной борьбы за выбор своего пути. Сегодня я все еще вне событий войны, завтра я буду в гуще их. Будем надеяться на это. Ни отдыха, ни денег, ни приказаний ускорить работу, ни совета, ни товарища! А вместо этого постоянное подчинение людям, не знающим ни храбрости, ни лояльности, ни отваги, ни дружбы, чьи отцы - обман, а матери - скупость. Знает ли кто-нибудь, чему служит эта расовая душа с тысячей лиц в настоящий момент? Никто еще не писал об этом; возможно, нет больше ни одного человека, настолько понимающего и привыкшего к опасности, как я. Нидермайер и Хентиг ушли. У Васмуса для работы была лучшая часть - южные племена. Шюнеман и Леверкюн были консулами с дипломатическими привилегиями. Граф Канитц покончил с жизнью, пустив себе пулю в лоб, как только познакомился с работой{91}. И все это имело место в нейтральной Персии с немецкими представителями, с германской армией в тылу, при том положении, когда, по крайней мере, поверхностно соблюдались условности и моральные кодексы чести.

За голову моего друга Саба предложили 5 миллионов туман. Сколько дают за мою? Только подумать, население Исфагана готово продать своих жен, дочерей на ночь за 5 миллионов, а когда английские войска прибыли в Ахваз, целый верблюжий караван пошел отсюда с женами и детьми - только что не с

официальными проститутками. Все за кусочек грязного барыша! <...>

АСВРР. Д. 28211. Т. 5. Л. 1-78. Пер. с англ. Машинопись.

Примечания

{1} Ерусалимский А.С. Иран. М., 1944. С. 9.

{2} Ибрагимбейли Х.М. Крах "Эдельвейса" и Ближний Восток. М., 1977. С. 30.

{3} Архив Службы внешней разведки России (АСВРР). Д. 25097. Т. 5. Л. 9-10.

{4} Там же. Т. 2. Л. 602.

{5} Подробнее см.: Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. М., 1999. Т. 4. 1941-1945 годы. С. 326.

{6} Попов М.В. Американский империализм в Иране в годы Второй мировой войны. М., 1956. С. 29.

{7} Следует отметить, что настоящие имя и фамилия разведчика - Рихард Август, хотя по всем документам он проходит как Франц Майер.

{8} АСВРР. Д. 28211. Т. 2. Л. 423.

{9} Цит. по кн.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 329.

{10} АСВРР. Д. 28211. Т. 2. Л. 423.

{11} Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М., 1946. С. 76.

{12} Нота Советского правительства Иранскому правительству // Правда. 1941. 26 августа.

{13} Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 327.

{14} Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. С. 203-204.

{15} Рузвельт Э. Его глазами. Пер. с англ. М., 1947. С. 175.

{16} Попов М.В. Указ. соч. С. 72.

{17} АСВРР. Д. 28211. Т. 5. Л. 1-8.

{18} Там же. Т. 4. Л. 374.

{19} Х.Ноубахт - депутат меджлиса, общественный деятель, литератор. Учился в Германии, в 1930-х годах перевел на персидский язык книгу А.Гитлера "Майн Кампф". Фанатичный националист, честолюбивый, властный, недоверчивый человек (Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 330).

{20} АСВРР. Д. 28211. Т. 1. Л. 130.

{21} История Ирана. М., 1977. С. 348.

{22} АСВРР. Д. 28211. Т. 1. Л. 10,19, 21.

{23} "Журналь де Тегеран" - иранская газета, ориентированная на дипломатический и консульский корпус Ирана.

{24} Роммель Эрвин (1891-1944) - генерал-фельдмаршал. Командовал немецкими войсками в Северной Африке, в 1943-1944 гг. группой армий в Италии и Франции. Участник заговора против Гитлера (1944), покончил жизнь самоубийством.

{25} Хассан - иранец, у которого некоторое время проживал Ф.Майер.

{26} M.S. - армянский националист Мосес Каспарян, сотрудничавший с германской разведкой.

{27} S.M. - расшифровка в приложении отсутствует.

{28} Имеется в виду хозяйка дома, где Ф.Майер скрывался от иранской полиции.

{29} Z. - полковник иранской армии Зинде-дил, член организации "Меллиюн-е-Иран".

{30} К. - известный иранский религиозный и политический деятель Сеид Абдул Касем Кашани. В 1930-е годы был хорошо известен в Иране, Ираке, Сирии, Саудовской Аравии и других странах. Входил в состав руководящего комитета "Меллиюн-е-Иран".

{31} A.Z., он же Z 1, он же 100, он же F. - командир исфаханской дивизии генерал Али Захеди. Выполнял у Ф.Майера обязанности связного. В декабре 1942 г. похищен английскими спецслужбами и переправлен в Индию.

{32} Японский посланник в Тегеране - Х.Ичикава.

{33} Имеется в виду нападение японской авиации на военно-морскую базу США Пёрл-Харбор на Гавайских островах 7 декабря 1941 г., что явилось началом войны на Тихом океане.

{34} M.R. из D.D. - расшифровка в приложении отсутствует.

{35} Муфтий - один из активнейших участников антибританского выступления в Ираке, великий муфтий Аль Хуссейни.

{36} Речь идет о первой попытке Ф.Майера выйти на связь с Берлином с помощью японских дипломатов.

{37} K.S., он же Кава, он же Саки - сотрудник японского посольства в Тегеране К.Кавасаки.

{38} V.B. - армянский националист Варос Бабоян, сотрудничавший с германской разведкой.

{39} Миллер Е.К. (1867-1937) - один из руководителей Белого движения в Гражданскую войну, генерал-лейтенант. В 1919-1920 гг. генерал-губернатор и главнокомандующий войсками Северной области, главный начальник края. С февраля 1920 г. в эмиграции. С 1930 г. председатель Русского общевоинского союза. Был выкраден из Парижа советской разведкой.

{40} Имеется в виду подписание союзного договора между

СССР, Великобританией и Ираном.

{41} Печка курси - разновидность бытовой печи.

{42} Эти слова прекрасно характеризуют подлинное отношение Ф.Майера к иранцам - своим соратникам по "Меллиюн-е-Иран", на которых он смотрел как типичный представитель "арийской высшей расы".

{43} V.S., он же 216-й - Мохаммед Вазири, один из руководителей "Меллиюн-е-Иран".

{44} Сотрудники посольства Японии в Тегеране.

{45} N.D. - Х.Нейванди, иранский политический деятель. Входил в состав руководящего комитета "Меллиюн-е-Иран".

{46} Друг Хассана, он же N 2, он же 216 N 2 - Хабибулла Ноубахт.

{47} Имеется в виду премьер-министр Ирана Али Сохейли.

{48} К.Н. - Мохаммед Хосровшахи, известный иранский купец.

{49} Здесь Ф.Майер резко обрывает свои рассуждения о японском дипломате. Надо полагать, что в этих словах звучат первые нотки разочарования в сотрудничестве с представителями Японии.

{50} Ф.Майер пытался дать характеристику некоторым членам нового иранского правительства.

{51} У. - Али Хайят, член "Меллиюн-е-Иран".

{52} N.P. - расшифровка в приложении отсутствует.

{53} Согласно официально принятому в Иране календарю солнечной хиджры Новый год наступает 21 марта, в отдельные годы 20 или 22 марта.

{54} Имеется в виду план широкомасштабного выступления всех оппозиционных правительству сил, результатом которого стал бы приход к власти в Иране "Меллиюн-е-Иран".

{55} Шеф - расшифровка в приложении отсутствует, по-видимому, японский посланник в Тегеране Х.Ичикава.

{56} Военный атташе Японии в Тегеране - полковник Касуо Мурасава.

{57} N.S., он же SP 30 - Сеид Нагибзаде, генерал иранской армии. Входил в состав руководящего комитета "Меллиюн-е-Иран".

{58} А.А. - иранец, в доме которого некоторое время проживал Ф.Майер.

{59} Ich - шейх Абдул Маджид Ширази.

{60} N. - расшифровка в приложении отсутствует.

{61} W/T - расшифровка в приложении отсутствует.

{62} S.N. - расшифровка в приложении отсутствует.

{63} PNB - Данеш Ноубахт, сын Хабибуллы Ноубахта.

{64} Энкас - Япония.

{65} Саба - Б.Шульце-Хольтус, майор абвера, специалист по СССР. Объявился в Иране в начале 1941 г. под именем Бруно Шульце как эксперт по вопросам школы и религии. Руководил агентурной сетью абвера на юге страны. Интернирован в Швецию союзниками, бежал, обосновался у Насыр-хана - вождя кашкайских племен, который сдал его англичанам (Подробнее см.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 331-332).

{66} FN 1, он же FN, он же N 3 - Ахмед Намдар, генерал иранской армии. Входил в состав руководящего комитета "Меллиюн-е-Иран".

{67} Группы - структурные подразделения, входившие в "Меллиюн-е-Иран".

{68} F.S. - расшифровка в приложении отсутствует.

{69} FN 2 - расшифровка в приложении отсутствует.

{70} Хорьки - иранские офицеры. Куницы, по-видимому, иранские племена.

{71} Туман (томан) - иранская золотая монета, чеканилась с XVIII в. В 1930-1932 гг. заменена реалом.

{72} Паладин 216 - Хабибулла Хелташ, член организации "Меллиюн-е-Иран".

{73} Хозяин Лео - Ирвинг Вайссрок, агент германских спецслужб.

{74} Лео - Фридрих Кюммель, резидент абвера.

{75} 7032 - сотрудник СД Роман Гамота. Работал в "Иран-Экспресс". Владел русским языком. Лично известен вождям третьего рейха. Один из организаторов покушения на лидеров "большой тройки". После провала операции бежал из Ирана, арестован в Австрии после войны (Подробнее см.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 332).

{76} kh - расшифровка в приложении отсутствует.

{77} SP 20 - Махмуд Хосрови, член организации "Меллиюн-е-Иран".

{78} SP 12 - Али Абади Джавад, член организации "Меллиюн-е-Иран".

{79} S 1 - Седдик Махмуд, член организации "Меллиюн-е-Иран".

{80} A.A. (Auswartigen Amt) - Министерство иностранных дел Германии.

{81} RSHA - Главное управление имперской безопасности.

{82} Пираты - англичане.

{83} В этот день Ф.Майер сделал в дневнике несколько записей.

{84} Тимошенко С.К. (1895-1970) - Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. В Великую Отечественную войну в 1941-1942 гг. главнокомандующий Западным и Юго-Западным направлениями, в 1941-1943 гг. командовал войсками Западного, Юго-Западного, Сталинградского и Северо-Западного фронтов. В 1945-1960 гг. командующий войсками ряда военных округов.

{85} По-видимому, речь идет о Хабибулле Ноубахте.

{86} 10 - Тегеран.

{87} Речь идет о Романе Гамота.

{88} Надер - Насыр-хан Кашкаи, вождь крупного кашкайского племени.

{89} К 2 - расшифровка в приложении отсутствует.

{90} Н 10 - расшифровка в приложении отсутствует.

{91} Так Ф.Майер характеризовал условия, в которых приходилось работать в Иране немецким разведчикам еще со времен Первой мировой войны.